

летию образования СССР) [Электронный ресурс]: в 2-х частях. Материалы XIX междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. – СПб.: СанктПетербургский ун-т МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 285–291.

5. Меню на Октябрьской [Сайт] // Let it be. – URL: <https://menu-oktyabrskaya.com/kafe-4> (дата обращения: 25.02.2023).

6. Теория государства и права: учеб. курс в схемах / авт.-сост. Л. И. Глухарева, Е. М. Крупеня. – М.: Саратовский источник, 2022. – 416 с.

7. Экологическое право: учеб. пособие / С. А. Балашенко Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро и др.; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск: БГУ, 2008. – 495 с.

8. Крупеня Е. М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Курск, 2019. – 488 л.

Навасардова Э. С.

К ДИСКУССИИ О ПРЕДМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА

*Элеонора Сергеевна Навасардова, доктор юридических наук, профессор;
заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права*

*Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Россия, kafedraep@mail.ru*

Что более насущно: определить и систематизировать комплексные отрасли законодательства или исследовать комплексные отрасли права? Следует согласиться с В. Ф. Яковлевым, отмечавшим, что «без предварительно проведенных изысканий по выявлению структуры права научно обоснованная работа по совершенствованию системы законодательства немислима» [1].

Споры о предмете правового образования, которое в последние десятилетия именуется «экологическим правом» с разной интенсивностью велись в различные периоды нашей общей истории. Наверное, самые «горячие» дискуссии разгорелись в 50-е гг. и в последующем стали именоваться дискуссиями о земельном праве в «узком» и «широком» смыслах. Не углубляясь в историю столетней и даже большей давности (формирование так называемых ресурсных отраслей возносится к XVIII в., а относительно полноценными они становятся в XIX в.) отметим, что несмотря на наличие поресурсного регулирования уже в 20-е гг. XX в. (в том числе и кодифицированного регулирования) именно в 50-е гг. эта дискуссия достигает апогея. Суть разногласий заключалась в следующем: можно ли признать самостоятельными отраслями права наряду с земельным правом лесное, горное и водное право, или земельное право органически включает в себя иные ресурсные отношения. О возможном доведении до абсурда идеи дифференциации отраслей писал Л. И. Дембо: «Такое решение вопроса представляется тем более неправильным, что связь лесного законодательства с земельным правом является неразрывной и что выделение лесного права,

если быть последовательным, должно влечь за собой выделение водного и недренного права, а затем торфяного права, болотного права и т. д.» [2, с. 12].

Ошибка этой теории заключалась в наименовании указанных групп норм как земельных норм. На это указывал Н. Т. Осипов [3, с. 11].

Другая группа ученых, в частности Б. В. Ерофеев, признавая близость объектов горного, лесного и водного права с земельными отношениями, тем не менее констатировали тенденцию их обособления [4, с. 21].

Третья концепция была сформулирована Н. Д. Казанцевым. Он признавал наличие «природоресурсового права» как интегрированной отрасли, объединяющей на автономных началах земельное, горное, водное и лесное право, но включал в него в качестве самостоятельной отрасли «природоохранительное право» [5, с. 3–12].

Концепция «природоресурсового права» поддерживалась и другими авторами. Наиболее близко к современному видению правовой конструкции исследуемой отрасли подходил В. П. Балезин. Он признавал необходимым в Особенную часть данной отрасли, помимо земельного, водного, горного и лесного права, включать фаунистическое и воздушное право, а также институт, регулирующий правовой режим природных комплексов. В то же время он полагал, что, объединив данные отрасли в одну, каждая из них перестанет быть самостоятельной и в результате можно будет говорить лишь о самостоятельности новой суперотрасли в целом. Кроме того, В. П. Балезин не считал возможным рассматривать природоохранительное право в качестве автономной части «природоресурсового права» [6, с. 11–19].

Болгарский ученый П. Стайнов называл неубедительным «мнение о том, что самой важной и первоочередной задачей является обеспечение наиболее полного использования природных ресурсов, а меры защиты природы – дело второстепенное». «Не следует забывать, – писал П. Стайнов, – что наряду с основным аспектом защиты природы, состоящим в служении потребностям народного хозяйства и культуры, она имеет и еще один важный аспект – служение человеку, его здоровью. В этом отношении на первое место в защите природы становится охрана природных благ от загрязнения и заражения» [7, с. 23, 48].

Из широкого понимания предмета экологического права исходили О. С. Колбасов [8] и Ю. С. Шемшученко [9].

Нельзя не сказать о позиции В. В. Петрова, исключавшего из предмета экологического права отношения по использованию природных ресурсов. [10, с. 55–56].

В этот же период развернулась дискуссия о вузовской программе по экологическому праву, в рамках которой продолжилась полемика относительно предмета экологического права как отрасли права.

Представители кафедры земельного и экологического права МГУ отмечали, что существует три вида общественных отношений, реально сложившихся по поводу окружающей среды: «охрана окружающей природной среды, использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности (человека)» [11, с. 60].

Совершенно справедливо широкую трактовку экологического права поддерживает и М. М. Бринчук [12, с. 63].

Итак, обращаясь к определению предмета экологического права, следует констатировать, что он, на наш взгляд, представляет собой все общественные отношения, возникающие по поводу воздействий на окружающую среду, независимо от того, связаны эти отношения с изъятием природного вещества или иным использованием компонентами окружающей среды, привнесением отходов в окружающую среду, нейтрализацией последствий деятельности человека или установлением запретов (ограничений) на такие воздействия.

Что же касается выделения комплексных отраслей права, то эта идея представляется плодотворной, хотя трудно согласиться с утверждением, что они являются вторичными правовыми образованиями, о чем говорил ряд ученых, поскольку, если иметь в виду исследуемые отрасли, то, наряду с привлечением норм других отраслей права, они имеют и собственные, уникальные, никакие иные, кроме специфических экологических отношений, не регулирующие.

Что же касается характеристики экологического права как комплексной отрасли, то представляется, что его комплексность заключается, во-первых, в поглощении этой отраслью так называемых природоресурсных отраслей (земельного, горного, лесного, водного, фаунистического) и так называемых природоохранных институтов и норм (охраны атмосферного воздуха, особо охраняемых территорий и объектов, устанавливающих правовую регламентацию отдельных видов хозяйственной и иной деятельности и др.). Кроме того, комплексность экологического права выражается в привлечении в качестве правового инструментария норм и методов традиционных отраслей права (государственного, муниципального, гражданского, административного, финансового, уголовного, трудового). При этом традиционные отрасли, естественно, не утрачивают ни своей самостоятельности, ни своей уникальности. В определенном смысле самостоятельность сохраняется и за земельным, горным, водным, фаунистическим правом. Можно согласиться с М. М. Бринчуком, определяющим последние как подотрасли экологического права [12, с. 87]. Ю. С. Шемшученко так характеризовал суть комплексности экологического права: «Право по охране окружающей среды соотносится с водным, лесным, горным и земельным правом как целое и часть, как отрасль с подотраслью» [13, с. 195]. В то же время нормы, институты и отрасли, составляющие содержание экологического права, приобретают качественное своеобразие и внутреннюю общность.

Список использованных источников

1. Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – 488 с.
2. Дембо Л. И. Правовой режим лесов в свете сталинского плана преобразования природы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 64 с.
3. Осипов Н. Т. Теоретические проблемы советского земельного права. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1972. – 159 с.

4. Ерофеев Б. В. Советское земельное право. – М.: Высшая школа, 1965. – 394 с.
5. Казанцев Н. Д. Природноресурсовое право и его пределы как интегрированной отрасли права // Вестник Московского ун-та. Серия XII. «Право». – 1967. – № 6. – С. 3–12.
6. Балезин В. П. К вопросу о природоресурсовом праве // Вестник Московского ун-та. Серия 11 «Право». – 1977. – № 1. – С. 11–19.
7. Стайнов П. Правовые вопросы защиты природы / пер. с болг. В. А. Никотя и Л. П. Фоминой ; под ред. и с предисл. О. С. Колбасова. – М.: Прогресс, 1974. – 350 с.
8. Колбасов О. С. Экология: политика – право: правовая охрана природы в СССР / АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1976. – 230 с.
9. Шемшученко Ю. С. Правовые проблемы экологии. – Киев: Наук. думка, 1989. – 232 с.
10. Петров В. В. Экологическое право России: учеб. для вузов. – М.: БЕК, 1995. – 557 с.
11. Обсуждение вузовской программы по экологическому праву // Государство и право. – 1995. – № 10. – С. 60.
12. Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды): учеб. для высших юридических учебных заведений. – М.: Юристъ, 1998. – 688 с.
13. Шемшученко Ю. С. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды в СССР. – Киев: Наукова думка, 1976. – 275 с.

Мурзабекова Ж. Т.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕСТА
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ПРАВА**

*Жыпар Таавалдиевна Мурзабекова, доктор юридических наук, профессор;
профессор кафедры гражданского, трудового и экологического права*

*Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
ул. Фрунзе, 547, 720033, г. Бишкек, Кыргызстан, murzabekova001@mail.ru*

Изучение концептуальных подходов к проблематике экологического права необходимо начать с определения места экологического права в системе права. Место экологического права в системе права обусловлено структурой системы права, а именно иерархией структуры права. В связи с этим обоснована позиция М. К. Сулейменова, который отмечает, что в «системе права есть два вида иерархии компонентов: иерархия уровней системы (система права в целом – отрасль права – институт права – норма права) и иерархия структур системы (наличие в системе права не одной, а двух и более структур). Иерархия структур системы позволяет выделить в системе права главную структуру (основные отрасли) права и вторичную структуру (комплексные отрасли) права» [1, с. 540].